

Алексей
ТОЛСТОЙ

Князь Серебряный

Князь Серебряный // Эксмо, М., 2007

ISBN: 978-5-699-13907-1

FB2: "shum29 ", 20.11.2008, version 1.0

UUID: 537615ab-08f6-102c-8d0d-93418d0056af

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Алексей Константинович Толстой

Против течения

**Алексей Константинович
Толстой**

Против течения. (Стихи)

А . К. Толстой – Александру II
Август или сентябрь 1861 г. [1]

Ваше величество, долго думал я о том, каким образом мне изложить Вам дело, глубоко затрагивающее меня, и пришел к убеждению, что прямой путь и здесь, как и во всех других обстоятельствах, является самым лучшим. Государь, служба, *какова бы она ни была*, глубоко противна моей натуре; знаю, что каждый должен в меру своих сил приносить пользу отечеству, но есть разные способы приносить пользу. Путь, указанный мне для этого провидением, – мое *литературное дарование*, и всякий иной путь для меня невозможен. Из меня всегда будет плохой военный и плохой чиновник, но, как мне кажется, я, не впадая в самомнение, могу сказать, что я хороший писатель. Это не новое для меня призвание; я бы уже давно отдался ему, если бы в течение известного времени (до сорока лет) не насиловал себя из чувства долга, считаясь с моими родными, у которых на это были другие взгляды. Итак, я сперва находился на гражданской службе, потом, когда вспыхнула война, я, как все, стал военным. После окончания

войны я уже готов был оставить службу, чтобы всецело посвятить себя литературе, когда Вашему величеству угодно было сообщить мне через посредство моего дяди Перовского [2] о Вашем намерении, чтобы я состоял при Вашей особе. Мои сомнения и колебания я изложил моему дяде в письме, с которым он Вас знакомил, но так как он еще раз подтвердил мне принятое Вашим величеством решение, я подчинился ему и стал флигель-адъютантом Вашего величества. Я думал тогда, что мне удастся победить в себе натуру художника, но опыт показал, что я напрасно боролся с ней. *Служба и искусство несовместимы*, одно вредит другому, и надо делать выбор. Больше похвалы заслуживало бы, конечно, непосредственное деятельное участие в государственных делах, но призвания к этому у меня нет, в то время как другое призвание мне дано. Ваше величество, мое положение смущает меня: я ношу мундир, а связанные с этим обязанности не могу исполнять должным образом.

Благородное сердце Вашего величества простит мне, если я умоляю уволить меня

окончательно в отставку, не для того чтобы удалиться от Вас, но чтобы идти ясно определенным путем и не быть больше птицей, щеголяющей в чужих перьях. Что же касается до Вас, государь, которого я никогда не перестану любить и уважать, то у меня есть средство служить Вашей особе, и я счастлив, что могу предложить Вам: это средство – *говорить во что бы то ни стало правду*, и это – единственная должность, возможная для меня и, к счастью, не требующая мундира. Я не был бы достоин ее, государь, если бы в настоящем моем прощении прибегал к каким-либо умолчаниям или искал мнимых предлогов.

Я всецело открыл Вам мое сердце и всегда готов буду открыть его Вам, ибо предпочитаю вызвать Ваше неудовольствие, чем лишиться Вашего уважения. Если бы, однако, Вашему величеству угодно было предоставить право приближаться к особе Вашего величества только лицам, облеченным официальным званием, позвольте мне, как и до войны, скромно стать камер-юнкером, ибо мое единственное честолюбивое желание, государь, – оставаться Вашего величества самым верным

и преданным подданным.

Гр. А. Толстой [3]

ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

1

*Други, вы слышите ль крик оглушительный:
«Сдайтесь, певцы и художники!
Кстати ли
Вымыслы ваши в наш век положительный?
Много ли вас остается, мечтатели?»*

*Сдайтесь натиску нового времени,
Мир отрезвился, прошли увлечения —
Где ж устоять вам, отжившему племени,
Против течения?»*

2

*Други, не верьте! Все та же единая
Сила нас манит к себе неизвестная,
Та же пленяет нас песнь соловьи-*

ная,
Те же нас радуют звезды небес-
ные!

Правда все та же! Средь мрака
ненастного
Верьте чудесной звезде вдохнове-
ния,
Дружно гребите, во имя прекрас-
ного,
Против течения!

3

Вспомните: в дни Византии рас-
слабленной,
В приступах ярых на божьи оби-
тели,
Дерзко ругаясь святыне награв-
ленной,
Так же кричали икон истребите-
ли:

«Кто воспротивится нашему
множеству?
Мир обносили мы силой мышле-
ния —
Где ж побежденному спорить ху-
дожеству

Против течения?»

4

*В оные ж дни, после казни Спасителя,
В дни, как апостолы шли вдохновенные,
Шли проповедовать слово учителя,
Книжники так говорили надменные:*

*«Распят мятежник! Нет проку в осмеянном,
Всем ненавистном, безумном учении!
Им ли убогим идти галилеянам
Против течения!»*

5

*Други, гребите! Напрасно хулители
Мнят оскорбить нас своею гордынею —
На берег вскоре мы, волн победители,
Выйдем торжественно с нашей святынею!*

*Верх над конечным возьмет бес-
конечное
Верую в наше святое значение,
Мы же возбудим течение встреч-
ное
Против течения!*

1867

* * *

*Эти бедные селенья.
Эта скудная природа!*

Ф. Тютчев

*Одарив весьма обильно
Нашу землю, царь небесный
Быть богатою и сильной
Повелел ей повсеместно.*

*Но чтоб падали селенья,
Чтобы нивы пустовали —
Нам на то благословенье
Царь небесный дал едва ли!*

*Мы беспечны, мы ленивы,
Все у нас из рук валится.
И к тому ж мы терпеливы —
Этим нечего хвалиться!*

Февраль, 1869

И. А. ГОНЧАРОВУ

Не прислушивайся к шуму
Толков, сплетен и хлопот,
Думай собственную думу
И иди себе вперед!

До других тебе нет дела,
Ветер пусть их носит лай!
Что в душе твоей созрело —
В ясный образ облакай!

Тучи черные нависли —
Пусть их виснут – черта с два!
Для своей живи лишь мысли,
Остальное трын-трава!

1870

* * *

Темнота и туман застилают
мне путь,
Ночь на землю все гуще ложится,
Но я верю, я знаю: живет где-ни-
будь,
Где-нибудь да живет царь-девица!

Как достичь до нее – не ищи, не га-

дай,
Тут расчет никакой не поможет,
Ни догадка, ни ум, но безумье в
тот край,
Но удача принести тебя может!

Я не ждал, не гадал, в темноте
поскакал
В ту страну, куда нету дороги,
Я коня разнуздал, наудачу погнал
И в бока ему втиснул остроги!

Август 1870

* * *

В монастыре пустынном близ
Кордовы
Картина есть. Старательной ру-
кой
Изобразил художник в ней суро-
вый,
Как пред кумиром мученик свя-
той
Лежит в цепях и палачи с живого
Сдирают кожу... Вид картины
той,
Исполненный жестокого искус-
ства,
Сжимает грудь и возмущает чув-

ство.
Но в дни тоски, мне все являясь
снова,
Упорно в мысль вторгается она,
И мука та казнимого святого
Сегодня мне понята и родна:
С моей души совлечены покровы,
Живая ткань ее обнажена,
И каждое к ней жизни прикасанье
Есть злая боль и жгучее терза-
нье.

Осень 1870

* * *

Вновь растворилась дверь на
влажное крыльцо,
В полуденных лучах следы недав-
ней стужи
Дымятся. Теплый ветер повеял
нам в лицо
И морщит на полях синеющие лу-
жи.

Еще трещит камин, отливами
огня
Минувший тесный мир зимы на-
поминая,
Но жаворонок там, над озимью

звеня,
Сегодня возвестил, что жизнь
пришла иная.

И в воздухе звучат слова, не знаю
чьи,
Про счастье, и любовь, и юность,
и доверье,
И громко вторят им бегущие ру-
чьи,
Колебля тростника желтеющие
перья.

Пускай же, как они по глине и пес-
ку
Растаявших снегов, журча, уно-
сят воды,
Бесследно унесет души твоей тос-
ку
Врачующая власть воскреснувшей
природы!

25 декабря 1870

* * *

Про подвиг слышал я Кротонско-
го бойца,
Как, юного взвалив на плечи он
тельца,

Чтоб силу крепких мышц умно-
жить постепенно,
Вкруг городской стены ходил, под
ним согбенный,
И ежедневно труд свой повторял,
пока
Телец тот не дорос до тучного
быка.

В дни юности моей, с судьбой в
отважном споре,
Я, как Милон, взвалил себе на пле-
чи горе,
Не замечая сам, что бремя тяже-
ло;
Но с каждым днем оно невидимо
росло,
И голова моя под ним уж поседе-
ла,
Оно же все растет без меры и пре-
дела!

Май 1871

НА ТЯГЕ

Сквозит на зареве темнеющих
небес
И мелким предо мной рисуется
узором

В весенние листья едва одетый
лес,
На луг болотистый спускаясь ко-
согором.

И глушь и тишина. Лишь сонные
дрозды
Как нехотя свое доканчивают пе-
нье;
От луга всходит пар... мерцаю-
щей звезды
У ног моих в воде явилось отра-
жение;

Прохладой дунуло, и прошлогод-
ний лист
Зашелестел в дубах... Внезапно
легкий свист
Послышался; за ним, отчетисто
и внятно,
Стрелку знакомый хрип раздался
тремякратно,

И вальдшнеп протянул – вне вы-
стрела. Другой
Летит из-за лесу, но длинною ду-
гой
Опушку обогнул и скрылся. Слух и

зренье
Мои напряжены, и вот через
мгновенье,

Свистя, еще один, в последнем све-
те дня,
Чертой трепещущей несется на
меня.

Дыханье притаив, нагнувшись под
осиной,
Я выждал верный миг – вперед на
пол-аршина

Я вскинул – огонь блеснул, по лесу
грянул гром —
И вальдшнеп падает на землю ко-
лесом.
Удара тяжкого далекие раскаты,
Слабея, замерли. Спокойствием
объятый,

Вновь дремлет юный лес, и обла-
ком седым
В недвижимом воздухе висит ру-
жейный дым.
Вот донеслась еще из дальнего бо-
лота
Весенних журавлей ликующая но-

та —

*И стихло все опять – и в глубине
ветвей
Жемчужной дробию защелкал со-
ловей.
Но отчего же вдруг, мучительно
и странно,
Минувшим на меня повеяло
нежданно
И в этих сумерках, и в этой ти-
шине
Упреком горестным оно предста-
ло мне?*

*Былые радости! Забытые печали!
Зачем в моей душе вы снова про-
звучали
И снова предо мной, средь яв-
ственного сна,
Мелькнула дней моих погибшая
весна?*

Май 1871

* * *

«...» В самом течении и ритме стихов дышит у него [4] радость жизни; часто внутренним зрением улавливаешь на его лице весе-

лую, шутливую, порою – насмешливую улыбку. Иной раз даже льется через край страстное, взволнованное и волнующее чувство. Хочется вздохнуть всею грудью, хочется крикнуть, – нужны междометия, звуки без понятий, один припев:

*Гой, ты, родина моя!
Гой, ты, бор дремучий!
Свист полночный соловья!
Ветер, степь да тучи!
«Почуяло сердце, что жизнь хороша»,
и потому
Сердце скачет лихо:
Ой, ладо, лель-люли!*

У него есть, у Толстого, неудержимый восторг перед счастьем бытия, перед радостью дыхания, и прямо из души выливается один из прекраснейших звуков русской поэзии – эта светлая волна ранней весны, этот вечно свежий, полный восхищения и грусти клик человеческого сердца:

*То было в утро наших лет —
О счастье! о слезы!
О лес! о жизнь! о солнца свет!
О свежий дух березы!*

Он вообще – поэт весны; так сказать, несомненная, очевидная, всем нравящаяся, она, приспособленная к общечеловеческому вкусу, является и его любимым временем года, «зеленеет в его сердце». Правда, отдельными мотивами есть у него и песнь об осени, о которой он так прекрасно говорит, что она наступает, когда «землей пережита пора роскошных сил и мощных трепетаний, стремленья улеглись», – но не эта «последняя теплота» природы влечет его преимущественное внимание. Нет, майское, счастливое, ласковое – вот что ликующими ручейками звенит у него в стихах, и кого не возбудит эта божественная игра, которая разыгрывается в свежем, в зеленом, в лесу молодом, где синееет медуница, где черемуха гнет свои пушистые ветви?

*Теперь в ветвях березы
Поют и соловьи,
В лугах поют стрекозы,
В полях поют ручьи,
И много в небе рея
Поет пернатых стай —
Всех месяцев звончее*

Веселый месяц май!

От этой звонкости «сердце млеет и кружится голова», и недаром Канут, ослепленный природой, обманутый коварной, усыпляющей властью весны с ее шиповниками и соловьями, не чуял близкий гибели, беды неминуемой, – напрасно предостерегала его любящая супруга, напрасно взывала к нему: «Любимый, желанный, болезненный»...

Но в земной весне с ее васильками и синими кувшинчиками поэт не остался, веселый месяц май не удовлетворяет его и ощущается им как некая часть, которой он не в силах слиться с целым. Подавленный своею дробностью и разрозненностью, Толстой всегда чувствует отдельно землю и отдельно небо; у него есть соседство двух миров, но не их тождество, на которое способна только душа внутренне претворяющая. Вселенная распадается для него на два полушария – не слито, не достигнуто великое Одно. И потому он часто в разных формах говорит о том, что душа его влекома в беспредельное, чует незримое, но что в то же время он не чужд и здешней жизни – она лишь не кажется ему «оконча-

тельной целью». Ибо цель – в цельности.

*Гляжу с любовью на землю,
Но выше просится душа*

– вот искреннее признание Толстого. Он любит землю, но возносится над нею и в своей лирике запечатлел отрадную – быть может, от других унаследованную, отчасти на веру принятую – веру, что земное не есть начало и не есть завершение жизни. Его религиозное чувство, правда, сильно умерено его эстетизмом, но в самой эстетике его, в его поэзии таятся и воспоминания о сверхчувственном и надежды на него. Он смотрит на жизнь, и ему кажется:

*Все это было когда-то, —
Но только не помню когда.*

Юрий Айхенвальд

* * *

*То было раннею весной,
Трава едва всходила,
Ручьи текли, не парил зной,
И зелень рощ сквозила;*

Труба пастушья поутру

Еще не пела звонко,
И в завитках еще в бору
Был папоротник тонкий.

То было раннею весной,
В тени берез то было,
Когда с улыбкой предо мной
Ты очи опустила.

То на любовь мою в ответ
Ты опустила вежды —
О жизнь! о лес! о солнца свет!
О юность! о надежды!

И плакал я перед тобой,
На лик твой глядя милый,
То было раннею весной,
В тени берез то было!

То было в утро наших лет —
О счастье! о слезы!
О лес! о жизнь! о солнца свет!
О свежий дух березы!

Май 1871

* * *

Прозрачных облаков спокойное
движенье,

Как дымкой солнечный перени-
мая свет,
То бледным золотом, то мягкой
синей тенью
Окрашивает даль. Нам тихий
свой привет
Шлет осень мирная. Ни резких
очертаний,
Ни ярких красок нет. Землей пере-
жита
Пора роскошных сил и мощных
трепетаний;
Стремленья улеглись; иная красо-
та
Сменила прежнюю; ликующего
лета
Лучами сильными уж боле не со-
грета,
Природа вся полна последней теп-
лоты; —
Еще вдоль влажных меж красу-
ются цветы,
А на пустых полях засохшие были-
ны
Опутывает сеть дрожащей пау-
тины;
Кружась медленно в безветрии
лесном,

На землю желтый лист спадает
за листом;
Невольно я слежу за ними взором
думным,
И слышится мне в их падении бес-
шумном:
– Всему настал покой, прими ж
его и ты,
Певец, державший стяг во имя
красоты;
Проверь, усердно ли ее святое се-
мя
Ты в борозды бросал, оставленные
всеми,
По совести ль тобой задача свер-
шена
И жатва дней твоих обильна иль
скудна?

Сентябрь 1874

* * *

Земля цвела. В лугу, весной оде-
том,
Ручей меж трав катился, молча-
лив;
Был тихий час меж сумраком и
светом,
Был легкий сон лесов, полей и нив;

Не оглушал их соловей приветом;
Природу всю широко осенив,
Царил покой; но под безмолвной
тенью
Могучих сил мне чужилось движе-
нье.

Не шелестя над головой моей,
В прозрачный мрак деревья уле-
тали;
Сквозной узор их молодых ветвей,
Как легкий дым, терялся в горней
дали;

Лесной чебёр и полевой шалфей,
Блестя росой, в траве благоухали,
И думал я, в померкший глядя
свод:
Куда меня так манит и влечет?

Проникнут весь блаженством
был я новым,
Исполнен весь неведомых мне сил:
Чего в житейском натиске суро-
вом
Не смел я ждать, чего я не про-
сил —

То свершено одним, казалось, словом,
И мнилось мне, что я лечу без крыл,
Перехожу, подъята природой всею,
В один порыв неудержимый с нею!

Но трезв был ум, и чужд ему восторг,
Надежды я не знал, ни опасенья...
Кто ж мощно так от них меня отторг?
Кто отрешил от тягости хотенья?

Со злобой дня души постыдный торг
Стал для меня без смысла и значенья,
Для всех тревог бесследно умер я
И ожил вновь в сознаньи бытия...

Тут пронеслось как в листьях дунувенье,
И как ответ слышалось мне:
Задачи то старинной разрешенье
В таинственном ты видишь полусне!

То творчества с покоем соглаше-
нье,
То мысли пыл в душевной тиши-
не...
Лови же миг, пока к нему ты чу-
ток, —
Меж сном и бдением краток про-
межуток!

Май – сентябрь 1875

* * *

Во дни минувшие бывало,
Когда являлася весна,
Когда природа воскресала
От продолжительного сна,
Когда ручьи текли обильно
И распускалися цветы,
Младое сердце билось сильно,
Кипели весело мечты;

С какою радостью чистой
Я вновь встречал в бору сыром
Кувшинчик синий и пушистый
С его мохнатым стебельком;
Какими чувствами родными
Меня манил, как старый друг,
Звездами полный золотыми
Еще никем не смятый луг!

Потом пришла пора иная,
И с каждой новой весной,
Былое счастье вспоминая,
Грустней я делался; порой,
Когда темнели неба своды,
Едва шептались тростники,
Звучней ручья катились воды,
Жужжали поздние жуки,
Казалось мне, что мне недаром
Грустить весной суждено,
Что неожиданным ударом
Блаженство кончится должно.

...

...

* * *

Как часто ночью в тишине глубокой
Меня тревожит тот же дивный сон:
В туманной мгле стоит дворец
высокий
И длинный ряд дорических колонн,
Средь диких гор от них ложатся тени,
К реке ведут широкие ступени.

И солнце там приветливо не блещет,
Порой сквозь тучи выглянет луна,
О влажный берег порой лениво плещет,
Катясь мимо, сонная волна,
И истуканов рой на плоской крыше
Стоит во тьме один другого выше.

Туда, туда неведомая сила
Вдоль по реке влечет мою ладью,
К высоким окнам взор мой пригвоздила,
Желаньем грудь наполнила мою
...
...

Я жду тебя. Я жду, чтоб ты склонилась
На темный дол свой животворный взгляд,
Тогда взойдет огнистое светило,
В алмазных искрах струи заблестят,
Проснется замок, позланятся го-

ры
И загремят невидимые хоры.

Я жду, но тщетно грудь моя трепещет,
Лишь сквозь туман виднеется луна.

О влажный берег лишь лениво плещет,
Катясь мимо, сонная волна,
И истуканов рой на плоской крыше
Стоит во тьме один другого выше.

ГАРАЛЬД СВЕНГОЛЬМ

*His voice it was deep
like the wave of the sea.*
Его голос звучал как морская волна.

Мрачен взор был грозящих очей,
И была его длань как погибель сильна,
Сердце зыблемой трости слабей.
Не в кровавом бою он врагами убит,
Не грозою повержен он в прах,
Под могильным холмом он без

раны лежит,
Сам себе разрушитель и враг.
Струны мощные арфы певец на-
прягал,
Струны жизни порвались в нем,
И начатую песню Гаральд не
скончал,
И лежит под могильным хол-
мом.
И сосна там раскинула силу вет-
вей,
Словно облик его, хороша,
И тоскует на ней по ночам соло-
вей,
Словно песню кончает душа.

В АЛЬБОМ

Стрелок, на той поляне
Кто поздно так бежит?
Что там в ночном тумане
Клубится и кипит?

Что значит это пенье,
И струн в эфире звон,
И хохот, и смятенье,
И блеск со всех сторон?

– Друзья, то вереница

Волшебниц и сильфид;
Пред ними их царица
Воздушная бежит;

Бежит глухой дорожкой,
Мелькает вдоль реки, —
Под маленькою ножкой
Не гнутся стебельки.

Ей нет красавиц равных,
Ее чудесен вид,
И много бардов славных
Любовью к ней горит;

Но бойся, путник смелый,
В ее попасться сеть
Иль кончик ножки белой
Нечаянно узреть.

Когда луна золотая
Глядит в зеркало вод,
В лучах ее играя,
Как сон она плывет;

Наступит ли денница,
Она спешит уж прочь;
Пушок – ей колесница,
Ее отчизна – ночь.

Лишь в сумерках застанет
В лесу она стрелка,
Зовет его и манит
К себе издалека,

Скользит над влагой зыбкой
Среди глухих болот
И странника с улыбкой
Над пропастию ждет.

Сильфид она всех краше,
Волшебниц всех милей;
Седые барды наши
Горят любовью к ней;

Но бойся, путник смелый,
В ее попасться сеть
Иль кончик ножки белой
Нечаянно узреть.

Примечания

27 июля 1861 г. Толстой сообщил жене из Петергофа, что хочет написать Александру II о своей отставке в Крым, так как «говорить теперь невозможно». Александр II уехал в Крым 6 августа 1861 г. Указ об увольнении Толстого датирован 28 сентября. Этим определяется дата письма.

[^^^]

Л. А. Перовского.

[^^^]

Ср. с дошедшим до нас отрывком из другого недатированного письма Александру II, написанного позже: «Ваше величество, есть два вида преданности своему монарху: один состоит в том, чтобы всегда быть одного мнения с ним и скрывать от него все, могущее возбудить в нем неудовольствие, уменьшая в его представлении силу и значительность идей, стоящих в противоречии с его системой управления; подобная преданность, когда она не есть предательство, могла бы быть названа преданностью лакея или человека близорукого. Другой – истинный вид – преданности состоит в том, чтобы показывать монарху все вещи в их подлинном свете, предупреждать, когда надо, об опасности, какая она есть, и – в согласии с совестью и в меру разумения каждого – предлагать наилучший в данных обстоятельствах способ действия. Такова, государь, моя преданность Вам. Не занимая никакого официального положения, не принадлежа ни к какой партии, я имею возможность слышать все мнения, подводить им совокупный

ИТОГ и делать из них заключения, которые
Вашему величеству существенно было бы
знать...»

[^^^]

А. К. Толстого

[^^^]